

На правах рукописи

Аутлев Джамбулат Маличевич

**ВОЕННОЕ ДЕЛО У АДЫГОВ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРИОД
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (XVIII – 60 гг. XIX в.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Работа выполнена на кафедре истории и социальных коммуникаций ГОУ ВПО
«Кубанский государственный технологический университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Чугунцова Нина Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Чирг Асхад Юсуфович

кандидат исторических наук,
профессор
Щетнев Валерий Евгеньевич

Ведущая организация: **Карачаево-Черкесская**
государственная технологическая
академия

Защита состоится 27 ноября 2009 г. в 12.30 на заседании диссертационного совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам при Адыгейском государственном университете по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университетская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Адыгейского государственного университета

Автореферат разослан «21» октября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000643362

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

В.Н. Мальцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В ряду проблем в наибольшей степени повлиявших на исторические судьбы адыгов особое место занимают события Кавказской войны. Именно в это время происходят важнейшие социально-политические изменения, обусловленные масштабностью и продолжительностью войны, повлекшие за собой кардинальные изменения в традиционном укладе жизни и военной культуре адыгов, сложившихся к началу XVIII в. Важно отметить, что, развиваясь на протяжении длительного периода времени, особый воссозданный уклад жизни народа, по сути, являлся своеобразной формой существования, пронизывавшей всю структуру общественных институтов, материальную и духовную жизнь адыгского общества, определяя многие этнопсихологические черты народа.

Вынужденная массовая миграция большей части адыгского населения в конце Кавказской войны, вхождение оставшихся на исторической родине горцев в новое социально-политическое пространство Российской империи и кардинальные изменения исторических условий, последовавшие после окончания боевых действий, сделали невозможным существование военной организации, утратившей свои функции и значение. Именно, исходя из сложившихся реалий, военное дело может рассматриваться не только как важнейший элемент исторического наследия адыгов, но и как базовое явление, отразившее завершённый трансформационный процесс.

Научная значимость обращения к данной проблеме обусловлена и современным состоянием исторического знания. История Кавказской войны имеет сложившуюся историографию, нацеленную на освещение самых разных сторон этого сложного явления. Усилиями многих поколений историков создана концепция Кавказской войны, включающая понимание ее причин, характера, хронологии, периодизации, последствий, но, тем не менее, многие положения до сих пор носят дискуссионный характер. При этом нельзя не отметить, что большинство работ по данному вопросу написано в русле политической или социально-экономической истории. Авторы же немногих исследований, затрагивающих аспекты военной организации горцев периода Кавказской войны, рассматривают проблему в статике, без учета динамики ее развития в сложившихся исторических условиях.

При этом прагматическая значимость работы определяется сохраняющейся напряженностью современной социально-политической обстановки в северокавказском регионе, настоятельной потребностью обращения к историческому опыту, позволяющему понять причины конфликтных ситуаций и возможности их разрешения.

Степень научной разработанности проблемы. Учитывая достаточно развитую в отечественной исторической науке традицию обращения к проблемам Кавказской войны, объем и характер накопленных исторических и историографических источников, имеет смысл, в границах условно выделяемых периодов, проанализировать состояние исторического знания – отражение проблемы в общих, монографических и специальных исследованиях российских и советских авторов.

К начальному периоду развития историографии проблемы могут быть отнесены работы первой половины XIX в. В это время российскими авторами – современниками и непосредственными участниками боевых действий, был создан целый ряд работ, в которых содержатся сведения о Кавказе и его народах, их общественно-политическом и военном устройстве. В частности, благодаря трудам таких исследователей Кавказа как С.М. Броневский, И.Ф. Бларамберг, К.Ф. Сталь, Н.И. Карлгоф и др., в работы этого

периода вошел значительный пласт информации о военном быте адыгов, их численности, военной организации, способах ведения войны и боя¹.

Нельзя не отметить и появления первых сочинений, принадлежащих перу адыгских авторов -- С. Хан-Гирея и Ш. Б. Ногмова², которые указывали на некоторые особенности военной организации горцев, не понятые, либо упущенные прочими авторами. Так у Хан-Гирея находим описания походов порядков адыгского войска, некоторых воинских традиций и атрибутов, упоминания о которых не встречаются у других исследователей.

Ко второму периоду историографии изучаемой проблемы относятся труды второй половины XIX -- начала XX вв., посвященные осмыслению характера, хода, геополитических и военных итогов Кавказской войны. Учитывая направленность наших изысканий, в рамках этого периода, в отдельную группу следует выделить исследования русских офицеров и генералов -- Р. А. Фадеева, Н.Ф. Дубровина, В.А.Потто, С. Эсадзе и др.³ В частности, Р. А. Фадеев, как опытный офицер Генштаба, очень точно определил самую суть военной организации адыгов, при которой вся сложность войны на Западном Кавказе, в отличие от Восточного, заключалась в отсутствии явно выраженных центров сопротивления, удар по которым мог бы это сопротивление сломить или хотя бы подорвать. Кроме того, Фадеев достаточно объективно обозначил причины Кавказской войны, явившейся закономерным итогом превращения Северного Кавказа в «сферу жизненных интересов» великих колониальных империй того времени - России, Турции, Англии, Франции и Ирана.

Генералы Н.Ф.Дубровин и В.А.Потто, в своих исследованиях упорядочили и ввели в научный оборот значительный фактический материал из различных архивов, придающий их работам особую ценность. Восстановив хронику боевых действий, они подробно рассмотрели основные этапы войны, организацию обороны кордонных линий, набеги «закубанцев», их стычки с регулярными войсками и казаками, «ответные» и «упреждающие» экспедиции против «непокорных племен», а так же потери адыгов, что создает предпосылки для изучения военной организации и тактики горцев в условиях длительного противоборства с регулярной царской армией.

К этой же категории исследований относятся и работы С. Эсадзе, в которых, наряду с другими вопросами, освещалась и политика российских властей направленная на присоединение Северо-Западного Кавказа. Весьма важной особенностью этих работ является описание военных методов, которыми осуществлялась эта политика, ибо именно они стали основным фактором, вызвавшим глубокие изменения во всех подсистемах адыгского общества и, в том числе, в военной сфере.

Определенное внимание изучению многофакторного явления Кавказской войны уделялось и в академических кругах царской России. В русле рассматриваемой проблематики наибольший интерес вызывают труды П.Г. Буткова, П.В. Апрельева,

¹ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе собранные и дополненные Семеном Броневским. Москва, 1823. Т.2; Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа (далее РАОНЦИСК). Нальчик, 2001. Т.1; Карлгоф Н. Магомет-Амин // Кавказский календарь на 1861 год Тифлис, 1860. Отд. IV.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Пятигорск, 1891.

³ Фадеев Р. А. Кавказская война. Москва, 2003; Дубровин, Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871--1888. Т.1--6; Потто, В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1993--1994. Т.1- 5; Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1 -- 2; Он же. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны в Закубанье и на Черноморском побережье. Тифлис, 1914.

А.П. Берже, И. Дроздова и ряда других ученых⁴. Так, особенности боевых действий на ранних этапах военного противостояния с царской Россией нашли свое отражение в сочинениях академика П.Г. Буткова. Ценность его работ заключается в фиксации малоизвестных фактов, которые не вошли в указанные объемные исследования офицеров и генералов. Это описания осадной техники горцев и тактики противоборствующих сторон в открытых полевых сражениях начального периода войны.

В работах П.В. Апрельева, А.П. Берже, И. Дроздова, освещается одна из наиболее трагичных страниц истории горских народов — их выселение с исторической родины, после окончания Кавказской войны. Собранные ими материалы прямо указывают на то, что российские военные власти, не только не препятствовали, но и всячески способствовали переселению коренных жителей. Такой подход диктовался военно-стратегической целесообразностью, поскольку позволял добиться окончательной победы в партизанской войне, путем избавления от враждебно настроенного населения.

Значительный интерес, в рамках исследования, представляют также фундаментальные труды, принадлежащие историкам казачества И.Д. Попке, Ф.А. Щербине и П.П. Короленко⁵, в которых освещалась роль южнорусского казачества (донского, терского, кубанского, астраханского и линейного) в покорении и колонизации Северного Кавказа. Подробное изучение и описание этими авторами казачьего военного быта, как известно во многом являвшегося продуктом заимствований элементов военной культуры горских народов, позволяет использовать их работы, путем проведения прямых исторических, этнографических и военных аналогий.

Особую группу историографических источников составляют работы, посвященные празднованию юбилеев событий Кавказской войны, используемых для популяризации российской военной истории и развития патриотизма⁶. Издаваемые к этим датам работы в основном содержат сведения об успешных военно-политических акциях российского командования на Северо-Западном Кавказе, позволяющих оценить масштабы военных и дипломатических усилий России и вскрыть причины поражения военных формирований адыгов.

В целом, в современной историографии основным недостатком большинства работ дореволюционного периода, принято считать утвердившуюся «имперскую традицию»: господство официальной, одобренной государством, концепции войны на Кавказе. Происходившие события трактовались как война «креста и полумесяца», борьба «цивилизации с варварством», покорение «хищных, воинственных» народов, установление «владычества на Кавказе», где «и добро надо делать насилем». Соответственно, в большинстве трудов, посвященных Кавказской войне и колонизации Северо-Западного Кавказа, просматриваются парадоксальные противоречия. С одной стороны авторы описывают элементы военной организации и тактики горцев, а с другой — представляют их как примитивных дикарей и варваров не знавших ни определенной организации, ни военного строя, ни тактики ведения боевых действий. В связи с этим, в

⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год (извлечение). Нальчик, 2001; Апрельев П.В. Два года в Абхазии. С-Пб, 1868.; Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33.; Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник 1877. Т. 2.

⁵ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1 – 2; Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Нальчик, 2001.; Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Краснодар, 1998; Короленко, П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска 1696-1896 гг // Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1991; Он же. Земляки о Черкесах // РАОНЦИСК. Нальчик, 2001. Т. 2.; Он же. Записки по истории Северо-Восточного побережья Черного моря – Сочи. Олесса, 1910.

⁶ Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа с иллюстрациями. По поводу столетия героической борьбы за Кавказ и сорокалетия замирения Кавказа. Журнал «Родина». С.-Петербург, 1904 г. Книжки 1-я – 4-я; Веселовский Н.И. Военно-исторический очерк города Анапы. СПб., 1995; Толстов В.Г. Историческая памятка Кубанского полка Кубанского казачьего войска. 1732-1912. Екатеринодар, 1912 и др.

отношении черкесских отрядов ими, как правило, употребляются такие эпитеты как толпы, массы, скопища, ватаги и т.п. термины.

Среди достижений дореволюционной историографии традиционно отмечается собранный исследователями значимый фактический материал о Кавказской войне, народах Кавказа в целом и адыгах в частности, а также о российском населении Кавказской линии. Однако, несмотря на то, что в нем содержатся многочисленные сведения о военной культуре адыгов, все они носят поверхностный, отрывочный и разобщенный характер, а потому отражают лишь отдельные стороны проблемы, фиксируют события в статике, не дают целостной картины. В особенности это касается трансформаций структуры военной организации, а также боевых порядков и тактических приемов, использовавшихся адыгами в период Кавказской войны.

В начальный период советской историографии основой исследовательских подходов служило марксистско-ленинское учение о мировом империализме и роли классовой борьбы в истории, с позиций которого национально-освободительные движения малых народов Российской империи рассматривались как борьба угнетенных масс с царскими колонизаторами и поработителями. Исходя из этих идеологических позиций, один из основоположников марксистской отечественной историографии М.Н. Покровский охарактеризовал борьбу адыгов за независимость как справедливую и антиколониальную, впервые дав непредвзятую оценку некоторым прогрессивным элементам их военного искусства⁷. В частности, он прямо указывал на превосходство тактики горцев, основанной на массовом использовании нарезного огнестрельного оружия и завалов, над тактикой штыкового удара и гладкоствольным огнестрельным оружием применявшихся в царской армии.

Таким образом, советская историография 20 – 30 гг. XX в. рассматривала Кавказскую войну как колониальную и захватническую со стороны России и антиколониальную, освободительную со стороны горцев. В то же время основным недостатком этого периода был явный перекос в пользу изучения национально-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством имама Шамиля и слабая разработка вопросов, касавшихся изучения национально-освободительного движения горцев Северо-Западного и Центрального Кавказа. Естественно, что при таком подходе не удалось вплотную приступить к разработке темы, связанной с состоянием военного дела у адыгов.

До середины 60-х гг. проблемы истории народов Северного Кавказа в целом и Кавказской войны в частности занимали важное место в советской историографии. В монографиях и статьях Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева, М.В. Покровского и др. рассматривались национальные интересы России на Кавказе через призму классового подхода⁸. С аналогичных позиций написаны соответствующие разделы в обобщающих трудах по истории автономных республик и областей Северного Кавказа, в том числе Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии⁹. Однако, военные аспекты проблемы в них детально не освещались и представлялись как

⁷ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Москва, 1923.

⁸ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI — XIX вв. М., 1958. Он же. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.; Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.; Покровский М. В. Социальная борьба внутри адыгейских племен в конце XVIII-первой половине XIX вв. и ее отражение в общем ходе Кавказской войны. М., 1956.

⁹ Очерки истории Адыгеи в 2-х томах. Майкоп, 1957. Т. 1; Очерки истории Дагестана в 2-х томах. Махачкала, 1957. Т. 1.; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР в 2-х томах. Грозный, 1967. Т. 1.; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1 и др.

неизменная величина, не претерпевшая никаких трансформаций в годы войны¹⁰. Как правило, опубликованные труды, будучи достаточно полными, по охвату реалий культуры и быта, в вопросах касающихся военного дела адыгов ограничивались констатацией отрывочных фактов изложенных историками XIX в.

В 70 - 80-е гг., в связи с утверждением зародившейся еще в 40-х гг. и официально одобренной концепции «вечной дружбы народов», сложившейся в результате «добровольного присоединения» малых народностей к России, меняется идеологическая парадигма в оценке национально-освободительных движений, которая находит свое отражение в работах Н.С. Княпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева, В.Б. Виноградова, позднее некоторых других авторов¹¹. В этот период проблемы Кавказской войны отходят на второй план, зато активно разрабатываются вопросы культурного и социально-экономического развития горских народов. Отличительной особенностью данных изысканий становится акцент на исключительную благотворность, положительный эффект русско-адыгских этнокультурных контактов¹². В таких условиях изучение военно-стратегических аспектов борьбы горцев Северного Кавказа за независимость потеряло свою актуальность.

Тем не менее, примерно в это же время, издаются монографии Б.Х. Бгажнокова и М.В. Покровского, имеющие иную направленность и представляющие для нас определенный интерес¹³. Первый исследует традиционный адыгский этикет, являвшийся одним из важнейших элементов системы воинского воспитания адыгов и, отчасти, его деформации в период Кавказской войны. В свою очередь второй, подробно описав «демократический переворот» в общественно-политической жизни ряда этнических групп адыгов, все последующие перемены в Западной Черкесии связывал не только с внутренними причинами, но и учитывал все возраставший на протяжении первой половины XIX в. прессинг колониальной политики России. При этом Покровский, хотя и не акцентирует свое внимание на чисто военных аспектах проблемы, достаточно подробно характеризует военную организацию адыгов, в период пребывания у них наба Шамиля Магомета Амина.

Появление этих и некоторых других работ свидетельствует о несправедливости упреков в адрес советской историографии в полной ангажированности, разработке исключительно «безопасных» и разрешенных научных тем. Так, например, во втором томе многотомного издания «История народов Северного Кавказа», вооруженная борьба горцев в 20 - 60-е гг. XIX в. была охарактеризована как антифеодалная и антиколониальная¹⁴. К сожалению главы, посвященные ей хотя и содержат некоторые ценные выводы о военной организации горцев и причинах их поражения в Кавказской

¹⁰ Аутлев М. Г. , Зевакин Е.С., Хоретлев А. О. Адыги. Историко-этнографический очерк. Майкоп. 1957.; Аутлев М. Г. , Зевакин Е.С. Адыгейцы // Народы Кавказа М., 1960 Т. I.; Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.) М., 1967.

¹¹ Блиев М.М. К вопросу о присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории.1970. № 8, Княпина Н. С. , Блиев М. М. , Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая пол XVIII - 80-е годы XIX в. М. , 1984; Виноградов В. Б. Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели О пропаганде некоторых вопросов истории Чечено-Ингушетии в связи с последствиями добровольного вхождения в состав России. Грозный, 1983; Авраменко А.М. Матвеев О.В., Матюшенко П.П., Ратушняк В.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории Сб. научных трудов Краснодар, 1995.

¹² Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа М. Наука, 1981.; Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX — XX вв. М. 1982.; Студенечкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII — XX вв. М. , 1989.

¹³ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Краснодар, 1989.

¹⁴ История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. / Ответственный редактор А.Л. Нарочницкий (авторы глав: Гаджиев В.Г., Даниялов Г. Д., Касумов А. Х., Кумылов Т. Х.). М., 1988.

войны, написаны преимущественно с позиций классовой борьбы, а потому практически не отражают специфических граней исследуемого явления – тактики противоборствующих сторон, их боевых порядков, особенностей вооружения и т.п. Вообще это незавершенное издание (было опубликовано лишь два первых тома) стало событием, в известном смысле, итогом развития советского кавказоведения, отразив все его достоинства и недостатки, противоречия и неизбежную ограниченность в рамках марксистской идеологии.

К достижениям советской историографии в целом следует отнести систематизацию значительной части накопленного дореволюционными историками материала по Кавказской войне и народам Кавказа, а также его научный анализ. Вместе с тем, научные изыскания советского периода зачастую носили идеологизированный характер, их выводы были подчинены партийным установкам, и это значительно снизило их научную ценность. Во многом благодаря частым изменениям в идеологических позициях советской историографии относительно Кавказской войны и освободительного движения горцев, тема военной организации и военного искусства адыгов и их развития в условиях длительного военного противостояния с Россией так и не стала предметом специального научного исследования.

Возрождение интереса к истории Кавказской войны началось на рубеже 1990-2000 гг. В этот новый период отечественной историографии, совпавший с распадом СССР, дискуссии по проблемам Кавказской войны приобретают острый характер, отражающий политическую поляризацию концептуальных подходов к оценке ее событий и итогов. В таких условиях, начиная с 90-х годов, был опубликован целый ряд серьезных научных работ и защищено несколько диссертаций, в которых более обстоятельно, по сравнению с предшествующими периодами, описываются события войны, уточняется терминология, хронологические рамки и периодизация, роль в судьбах народов Северного Кавказа и влияние на их быт и культуру¹⁵. Из этого ряда следует выделить труды Э.Г. Аствацатурян, К.К. Хутыза, А.С. Мандзяка, А.Ю. Чирга, С.Х. Хотко, М.Н. Губжокова, Р.Б. Схатума и некоторых других авторов, которые непосредственно затрагивают тему нашего исследования, детально освещая и анализируя отдельные, ранее мало изученные грани проблемы¹⁶.

¹⁵ Колесников В.А. Формирование и функции линейного казачества Кубани в конце XVIII в. - 1861 г.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997; Шаповалов А.Н. Северо-Западный Кавказ в политике Российской Империи (70-е гг. XVIII в.-60-е гг. XIX в.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 1998; Хаширов М.Ю. Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2000 и др. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы горцев за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992; Акаев В.Х., Хусанов С.А. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века. Махачкала, 1994; Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20 – 60-х гг. XIX в. Издание Института ИАЭ ДНЦ РАН (Руководитель проекта А.И. Османов, авторы разделов – Аутлев М.Г., Бижев А.Х., Касумов А.Х., Гамзатов Г.Г., Черноус В.В. и др.). Махачкала, 2006.

¹⁶ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. Москва, 1995; Хутыз К.К. Охота у адыгов. Майкоп, 1999; Мандзяк А.С. Военские традиции народов Евразии, Москва-Минск, 2002; Чирга А.Ю. Черкесский флот в Кавказской войне // Национально-освободительная война народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994; Хотко С. Х. История адыгов в новое время. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://elot.ru>; Он же К истории военного отходничества у адыгов. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://s-history.adygnet.ru>; Он же. Черкесское пиратство. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://djeguako.narod.ru>; Остахов А.А. Военная хитрость в системе военного искусства черкесов. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.adygnaion.com>; Мирзоев А. "Право войны" и некоторые аспекты традиционной военной культуры адыгов (черкесов) / Материалы научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе». Цахкадзор (Армения), 2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://kavkaz.memo.ru>; Кожев З. Способы разрешения конфликтов в традиционном черкесском (адыгском) обществе. Там же; Губжоков М.Н. Западные адыги в период Кавказской войны (этнокультурные аспекты): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2001; Схатум Р.Б. Военное дело адыгов в средние века (вторая половина VIII – XVII вв.). Автореф. дис. канд. ист. наук [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.adygnet.ru/nauchrab/uchrab_new/nauchres/docs/avtoreferat_shtatum.doc

Так, в фундаментальных работах Э.Г. Аствацатурян и К.К. Хутыза подробно рассматривается комплекс вооружения и снаряжения адыгов, а так же, попутно, освещаются вопросы, связанные с их военной организацией, воинским воспитанием и культурой наездничества в XVII – первой половине XIX вв. Но, в силу узкой направленности исследований вышеназванных авторов, этим вопросам отводится лишь второстепенная роль, а потому описываются они обобщенно, без учета динамики исторического процесса.

В свою очередь А.С. Мандзяк, в отдельных главах своей монографии, исследовал традиционную систему физической и военно-прикладной подготовки адыгских воинов. А. Мирзоев и З. Кожев, в опубликованных ими статьях, раскрыли морально-этические нормы и правила, которыми черкесы руководствовались на войне. К сожалению, за рамками изысканий этих авторов осталась проблема влияния Кавказской войны на традиционный комплекс воинского воспитания адыгов. А ведь именно в этот период он подвергся серьезным деформациям, превратившись в один из факторов повлекших за собой крайнее ожесточение боевых действий, перерастание конфликта в тотальную партизанскую войну и, как следствие, выселение основной массы адыгского населения с его исторической родины.

Большой интерес представляют также труды А.Ю. Чирга, С.Х. Хотко и А.А. Остахова, в которых, фактически впервые с дореволюционного периода, внимание сконцентрировано на отдельных аспектах тактики военных формирований адыгов, наличии и использовании ими военного флота, некоторых социальных объединительных процессах внутри горских обществ периода военного противостояния с Россией. Но, при всей своей ценности, эти работы носят отрывочный и разобщенный характер, не дают целостного представления ни о военной организации, ни о военном искусстве горцев периода Кавказской войны.

Наиболее системно и близко к теме проводимого исследования подошли в своих диссертациях М.Н. Губжоков и Р.Б. Схатум. Губжоков, впервые попытался провести комплексный анализ влияния «демократического» переворота и Кавказской войны на традиционную (в том числе и военную) культуру адыгов сформировавшуюся к XVIII в. Однако, широкое по охвату различных отраслей адыгской культуры, его исследование недостаточно акцентировано именно на военной проблематике. Сделав правильные выводы о характере различий появившихся в военной организации «аристократических» и «демократических» племен адыгов в конце XVIII в., автор фактически не раскрыл тенденций ее развития в средний и завершающий периоды Кавказской войны. Описывая тактику действий военных формирований горцев без привязки к структуре их военной организации и тактике противника, он подает ее, в целом, как неизменную величину, что не соответствует действительности. Кроме того, в работе нет четкого описания родов войск существовавших у адыгов и их боевых порядков, а без этого невозможно понять, каким образом структурные изменения влияли на способы ведения войны и боя. Работа же Схатума посвящена совершенно иному временному периоду и акцентирована, прежде всего, на комплексе вооружения адыгов, хотя и затрагивает многие вопросы, касающиеся их военной организации и военного искусства. К тому же фактологической основой его изыскания выступают в основном археологические, а не архивные и литературные источники.

Таким образом, несомненным достижением историографии последних лет является появление узкоспециализированных работ, «раскладывающих» значимую проблему на более мелкие составляющие, пристальное внимание к деталям, стремление изучить те или иные явления в различные исторические периоды, на разных этапах их развития. Нельзя не отметить и использование отличных концептуальных подходов, позволяющих взглянуть на предмет изучения под различными углами исторического зрения.

В то же время наблюдаются и определенные негативные тенденции - в новейших трудах второй половины 90-х – начала 2000-х гг. зачастую происходит политическая поляризация научных взглядов в оценках событий Кавказской войны. Влияние на этот процесс оказали трагические события в Чечне, Дагестане и Ингушетии. Полемика, часто бескомпромиссная, переходит на страницы центральных и местных средств массовой информации, позиции и риторика которых оказывают влияние на научные издания. Их чертой, с одной стороны, становится «кавказофобия», а с другой, «русофобия», взаимные обвинения в сепаратизме или в великодержавном шовинизме. В одних публикациях демонизируется политика России на Кавказе, которая сводится якобы только к насильственным методам и целенаправленному геноциду при почти мифологической героизации борьбы горцев. В других акцент сделан на подвиги русских войск и казачества в подавлении борьбы горцев, подчеркивается социально-экономическая отсталость и фанатизм последних¹⁷. Понятно, что научный диалог между такими крайними точками зрения, порой носящими оскорбительный для оппонентов характер, практически невозможен, что политизирует проблему и не способствует объективному осмыслению сложнейшего феномена отечественной истории.

Учитывая все вышеизложенное, в настоящей работе основное внимание концентрируется на наименее изученных моментах военной организации адыгов – структуре, родах войск, а также системе их комплектования, снабжения, обеспечения и обучения. Но, поскольку военная организация рассматривается не сама по себе, а в контексте Кавказской войны, невозможно было обойти вниманием и такое понятие как военное искусство, содержащее формы ведения войны, включающие стратегию, оперативное искусство и тактику противоборствующих сторон. Соответственно, в процессе изучения этих вопросов в работе использовались результаты фундаментальных изысканий в смежной исторической отрасли – военной истории¹⁸.

Объектом исследования является Кавказская война, как важнейшее военно-политическое событие российской и северокавказской истории.

В качестве предмета исследования выделяются военная организация и военное искусство адыгов в процессе их трансформации под воздействием значимых исторических событий конца XVIII - 60-х гг. XIX вв.

Географические рамки диссертационной работы охватывают Северо-Западный и Центральный Кавказ, как места автохтонного проживания адыгов накануне и в период Кавказской войны.

Хронологические рамки. Нижняя временная грань относится к началу XVIII в., как к периоду окончательного складывания традиционной военной культуры адыгов, являющейся некой отправной точкой, относительно которой отслеживаются все ее дальнейшие трансформации, связанные с «демократическим» переворотом и Кавказской войной. Верхняя граница исследования совпадает с 1864 г. — датой окончания Кавказской войны и началом принципиально нового этапа в истории адыгского этноса.

Целью данной работы является комплексное исследование состояния и динамики развития военной организации и военного искусства адыгов в XVIII – 60-х гг. XIX вв., с учетом конкретных военно-политических условий сложившихся в годы Кавказской войны.

¹⁷ Кавказская война. уроки истории и современность (материалы научной конференции в Краснодаре 16 – 18 мая 1994 года). Краснодар, 1995.

¹⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 1 – 3; Денисон Д., Брикс Г. История конницы. М., 2001. Т. 1 – 2; Звягинцев В.В. Русская армия 1812 -1825 гг. Париж, 1973. Ч. 1 – 4; Миткевич В. Казачья лава Санкт-Петербург, 1893; Мавринский Тактика и стратегия. СПб., 1903; Нолан История и тактика кавалерии. СПб., 1871; Разин Е. А., Строков А. А. История военного искусства. СПб., 1994. Т.1 – 5; Тараторкин, В. В. Конница на войне Минск, 1999 и др.

Для реализации этой цели ставились следующие задачи:

- провести историографический и источниковедческий анализ источников с целью определения степени и уровня изученности проблемы;
- проанализировать традиционную структуру военной организации адыгов и ее основных подсистем – комплектования, снабжения и воинского воспитания молодежи;
- изучить способы ведения войны и боя военными формированиями адыгов в рамках традиционной организационной структуры;
- выявить основные факторы, оказавшие влияние на трансформации военной организации адыгов и проследить тенденции её развития;
- исследовать характер инноваций для каждого из описываемых структурных элементов военной организации и связанные с ними изменения сложившихся способов применения военных сил адыгов;
- вскрыть причины поражения военных формирований адыгов в Кавказской войне.

Источниковая база исследования. При выборе источников особое внимание уделялось «связи» предмета исследования - военной организации и военного искусства адыгов в годы Кавказской войны, с создаваемой источниковой базой. При этом принималась во внимание адекватность источников целям и задачам проводимого исследования.

Использованные в работе источники, с учетом существующих классификаторов, можно разделить на несколько групп. Для народов Северного Кавказа, учитывая состояние письменности и грамотности в изучаемый период, проблема источников особенно важна. Известно, что в источниковой базе любой войны преобладают источники, созданные в стане победителей, в то время как побежденная сторона теряет не только территорию и независимость, но и в значительной степени право на объективную историю. В частности, реконструкция событий Кавказской войны уже почти два века ведется преимущественно на основе официальных российских источников¹⁹.

К числу таковых следует отнести 12-томные «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», а также опубликованные сборники материалов центральных и местных архивов²⁰, содержащие переписку военных властей, рапорты воинских начальников, журналы боевых действий, статистические отчеты и прочие официальные документы. Их ценность, в рамках нашего исследования, определяется наличием огромного массива информации об основных направлениях и этапах российской политики на Кавказе, характере боевых действий в разные временные периоды Кавказской войны, тактике противоборствующих сторон, особенностях социального и военного строя адыгских народов и его преобразованиях, этнокультурных и экономических контактах горцев с российским населением и многих других аспектах изучаемой проблемы.

В последние годы произошли существенные «сдвиги» в осознании значимости для общества публикаций исторических источников. В историографической традиции именно с этими явлениями связывается рост национального самосознания, стремление все большего числа людей обратиться именно к первоисточнику. Поэтому следующую группу

¹⁹ Шеуджен Э.А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. Майкоп, 2009.

²⁰ Акты Кавказской археографической комиссии Тифлис, 1866 — 1905. Т. I — 12 (Кавказской войне посвящены тома 6 — 12); Архивное управление МВД Грузинской ССР: «Шамиль ставленник султанской Турции и английских колонизаторов» (сборник документальных материалов). Тбилиси, 1953; Русско-адыгеейские торговые связи 1793-1860 гг. Сб. документов. Майкоп, 1957; Из истории Русско-Кавказской войны (документы и материалы). Нальчик, 1991; Мухаммад - Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века (сборник документов и материалов). Махачкала, 1998; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи 20 — 70-е гг. XIX в. (сборник архивных документов). Нальчик, 2001; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX - начало XX вв. СПб., 2005 и др.

источников составляют историкоописательные и этноописательные труды зарубежных и российских авторов, давно ставшие библиографической редкостью.

К самым ранним из тех, в которых содержатся отдельные отрывочные сведения о военной культуре адыгов, относятся путевые заметки иностранных купцов, путешественников и миссионеров XIII – XVII вв., посещавших и изучавших Черкессию задолго до начала Кавказской войны. Это описания Юлиана, Рубрука, Интериано, д'Асколи, Лукка, Витсена, Шардена, Мотрэ, Главани, Пейсонеля, Потоцкого, Челеби и др.²¹ И хотя большинство из них выходит за хронологические рамки предпринятого исследования, обращение к ним служит некой отправной точкой, позволяющей восстановить логику последующих изменений.

К более поздней категории работ такого рода можно причислить целый перечень русскоязычных источников по истории адыгов, который начал постепенно формироваться с началом проникновения России на Северо-Западный Кавказ. Следует подчеркнуть, что авторами этих работ, которые создавались в преддверии и в период Кавказской войны, являлись российские военные и колониальные чиновники, а сами эти описания имели, на первых порах, скорее военно-практическое, нежели чисто научное значение, поскольку ставили своей главной целью изучение численности военных сил горцев, их социального строя, военной организации, способов ведения войны и боя, т.е., по сути сбора как можно более подробных данных о противнике²². По этой причине сюда же можно отнести сборник воспоминаний офицеров и генералов – участников Кавказской войны, основанный на личных впечатлениях и воспоминаниях²³.

Данная категория источников включает в себя и труды иностранцев, посещавших Западную Черкессию с военно-политическими, дипломатическими и коммерческими целями. Именно они, в отличие от российских авторов, зафиксировали разрушительное воздействие Кавказской войны на все подсистемы традиционной адыгской культуры²⁴.

Кроме того, в диссертации использованы публикации российских периодических изданий военного и поствоенного времени: журналы «Кубанский сборник», «Сборник

²¹ Юлиан. Повествование венгерских миссионеров о путешествии в Восточную Европу в 30-х годах XIII века // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (далее АБКНКА). Нальчик, 1974; Рубрук В. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодати 1253 // Там же.; Интериано Д. Быт и страна зликов именуемых черкесами, достопримечательное повествование // Там же.; Дортелли д'Асколи Э. Описание Черного моря и Татарию. составил доминиканец Эммилио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарию и проч., 1634 // Там же.; Лукка Д. Описание переконских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, Жана де Люкка, монаха доминиканского ордена (1625) // Там же.; Витсен Н. Северная и Восточная Татарию или сжатый очерк нескольких стран и народов // Там же.; Шарден Ж. Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие восточные страны // Там же.; Мотрэ А. Путешествие господина Абри де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // Там же.; Главани К. Описание Черкесии // Там же.; Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // там же.; Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи // Там же.; Эвлия Челеби. Книга путешествия. Москва, 1961. Выпуск 1-2.

²² Гербер И.Г. Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году // АБКНКА. Нальчик, 1974.; Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Там же.; Дельпоццо И. П. Записка о Большой и Малой Кабарде // РАОНЦИСК. Нальчик, 2001. Т. 1.; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседних горских народах (Извлечение). Там же.; Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Там же.; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999; Ольшеский М. Кавказ с 1841 – 1866 год. СПб., 2003 и др.

²³ Кавказская война: истоки и начало 1770-1820 годы. СПб., 2002.

²⁴ Тэбу де Мариньи Жак-Виктор-Эдуард. Путешествия в Черкессию // АБКНКА. Нальчик, 1974.; Джемс Белл. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. Там же.; Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Там же.; Спенсер Э. Путешествия в Черкессию. Майкоп, 1993.; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995; Дюбуа де Монпер Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937 и др.

материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Покоренный Кавказ» и др.²⁵. А также «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае в 1801-1885 гг.», который знаменит исследователей с хроникой боевых действий и обобщает информацию о потерях российских регулярных войск в ходе завоевания Кавказа²⁶.

Наглядной иллюстрацией военного быта адыгов, методов и этапов покорения Северо-Западного и Центрального Кавказа, являются опубликованные изобразительные и картографические материалы, сопровождающие энциклопедические издания и публикации некоторых авторов²⁷.

Отдельную группу источников составляют фонды Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (КНИИ) и Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ ранее АНИИ), сформированные на основе полных материалов, собиравшихся их сотрудниками с начала 1930-х годов на территории Адыгеи и Кабардино-Балкарии²⁸, а также народный адыгский фольклор — нартский эпос, историко-героические песни и предания²⁹.

Основная часть оригинальных документов извлечена автором из десяти фондов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). По видовой принадлежности это военно-политические и экономические обзоры Западной Черкесии, содержащие переписи населения, отчеты о боевых действиях, переписку военных чиновников³⁰.

Наибольший интерес представляют фонды «Канцелярии наказного атамана Кубанского казачьего войска» (Ф. 249) и «Войсковое дежурство Черноморского казачьего войска» (Ф. 254), включающие подробные рапорты воинских начальников о боевых столкновениях с горцами, их боевых порядках, тактике действий, организации разведки и взаимодействия пехоты и конницы, а также документы о деятельности наиба Шамиля Магомста Амина по объединению разрозненных этнических групп адыгов, созданию на подконтрольных ему территориях институтов военно-теократического государства и мерах предпринимаемых против него российским военным командованием.

Для понимания исследуемой проблемы большое значение имеют, кроме того, материалы фондов «Канцелярии начальника Черноморской береговой линии» (Ф. 260) и «Канцелярии начальника Черноморской кордонной линии» (Ф. 261), освещающие переписку российских военных властей о внутренних мерах адыгов по наведению порядка

²⁵ Кубанский сборник (труды Кубанского областного статистического комитета). Екатеринодар, 1898. Т. IV; Кубанский сборник (труды Кубанского областного статистического комитета). Екатеринодар, 1904. Т. X; Покоренный Кавказ (бесплатное приложение журнала «Родина») 1904 г., очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа). Санкт - Петербург, 1904; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск семнадцатый. Тифлис, 1893.

²⁶ Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае в 1801-1885 гг. Тифлис, 1901.

²⁷ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. Москва, 1997; Земля адыгов. Майкоп, 1996; Торнау Ф.Ф. Указ. соч.;

²⁸ Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1946. Т. I (история и этнография); Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1974. Т. XVII (история и этнография).

²⁹ Нарты. Адыгский героический эпос. Москва, 1974; Адыгские писатели просветители XIX в. Шаги к рассвету (избранные произведения). Краснодар, 1986; Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.

³⁰ Фонды: 249 («Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска»); 254 («Войсковое дежурство Черноморского казачьего войска»); 260 («Канцелярия начальника Черноморской береговой линии»); 261 («Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии»); 282 («Крымский пехотный полк Черноморского казачьего войска»); 293 («Первый конный полк Черноморского казачьего войска»); 301 («Девятый конный полк Черноморского казачьего войска»); 302 («Десятый конный полк Черноморского казачьего войска»); 303 («Одиннадцатый конный полк Черноморского казачьего войска»); 670 («Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска»).

в стране, искоренению «воровства и измены», совершенствованию судебной системы, попытках создания военно-административного аппарата и постоянных «военно-полицейских» сил, рапорты военных чинов о блокаде, подготовке к штурму и атаках горцами российских укреплений, крейсерской службе Черноморского флота и Азовской казачьей флотилии. Значимые свидетельства о методах покорения горцев Северо-Западного Кавказа отложились в «Коллекции документов по истории Кубанского казачьего войска» (Ф. 670).

В целом нельзя не отметить, что архивные фонды ГАКК содержат огромный пласт специфичных «военных» материалов, ранее не вводившихся в научный оборот и почти не использовавшихся исследователями, по причине отсутствия серьезных научных работ, посвященных военной организации и военному искусству противоборствующих сторон периода Кавказской войны. Так, в частности, в ф. 282 - «Крымский пехотный полк Черноморского казачьего войска», содержится дело № 26 «Правила рассыпного строя (для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты)», в котором подробнейшим образом описывается обучение и порядок действий стрелков и егерей регулярной русской армии в середине XIX века¹¹.

Методологической основой диссертационного исследования выступают принципы объективности, историзма и системности, которые имеют первостепенное значение для исторического познания. На основе принципа объективности, ориентированного на всестороннее изучение исторических событий и явлений, осуществлялось формирование документальной базы исследования, интерпретация и критический анализ источников, отражающих состояние исследуемой проблемы, с учетом сложившихся оценок Кавказской войны.

Принцип историзма, лежащий в основе изучения объекта в развитии, позволил исследовать военное дело адыгов в динамике, через призму соблюдения временной последовательности и преемственности.

В свою очередь принцип системности дал возможность исследовать военную организацию и военное искусство адыгов во взаимосвязи с их общественно-политическим строем, определить каким образом изменение базиса, влияло на трансформации надстройки.

Широкое применение в работе нашли специальные исторические методы. С помощью проблемно-хронологического метода осуществлялось выделение различных составляющих исследуемого явления – например военной организации, ее структуры, системы воинского воспитания, тактики действий, и рассмотрение каждой проблемы в хронологической последовательности.

Историко-сравнительный метод позволил осуществлять сопоставления и проводить исторические параллели. Применение этого метода высветило факты как в тесной взаимосвязи с реальной обстановкой, в которой они возникли и действуют, так и в качественном изменении на различных этапах развития. В нашем случае сравнение осуществлялось путем сопоставления качественного состояния военной организации и военного искусства адыгов как на разных этапах Кавказской войны так и, в сравнении с уровнем развития военной организации и военного искусства других народов.

Немаловажное значение имело применение историко-типологического метода, позволяющего проводить систематизацию и упорядочение исследуемых объектов по присущим им признакам. В данном случае речь идет о типологии структуры военной организации адыгов, соотношении уровня её развития с конкретными общественно-политическими условиями.

¹¹ Для нас ценность этого документа определялась возможностью проводить сравнительные аналогии с тактикой действий и организацией черкесской пехоты того же периода - прим. Авт.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые удалось:

- на основе обобщения свидетельств различных исторических источников классифицировать и структурировать военную организацию, сложившуюся у адыгов к XVIII в.;

- комплексно изучить рода войск, существовавшие в рамках традиционной организационной структуры, их боевые порядки, формы взаимодействия, способы ведения войны и боя;

- вскрыть основные факторы, влиявшие на традиционную военную организацию адыгов с XVIII по 60-е гг. XIX в.;

- систематически, с научной точки зрения, описать характер и последовательность трансформаций традиционной военной организации в контексте «демократического переворота», произошедшего в ряде адыгских племен, и в ходе Кавказской войны;

- выявить каким образом различия появившиеся в структуре военной организации «аристократических» и «демократических» племен адыгов повлияли на тактику действий их военных формирований;

- определить характер боевых действий в различные периоды Кавказской войны и его влияние на развитие военного искусства горцев;

- сравнить военное искусство противоборствующих сторон и установить объективные причины поражения военных формирований адыгов в Кавказской войне

Кроме того, проведенное исследование позволило повысить уровень осмысления истории Кавказской войны, расширить существующие в науке представления о военной составляющей борьбы адыгов за независимость;

Научная апробация работы. Основные положения и результаты работы изложены в 8 статьях и в тезисах международного конгресса (общим объемом около 3,5 п.л.), в том числе в одной статье, опубликованной в журнале «Культурная жизнь Юга России», который включен в список ВАК.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой истории и социальных коммуникаций ГОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет».

Структура диссертации построена по проблемно-хронологическому принципу, состоит из введения, двух глав, заключения, приложений, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, рассматривается степень ее разработанности в историографии, дается характеристика источников, выделяются положения, выносимые на зачет, указываются цели и задачи, географические и хронологические рамки, практическая значимость и научная новизна работы.

Первая глава «Военная организация и военное искусство адыгов в XVIII в.» посвящена рассмотрению традиционной военной организации, способов ведения войны и боя, сложившихся в Черкесии к началу XVIII в., в ходе длительного процесса разложения общинно-родового строя, зарождения и развития феодальных отношений, протекавших на фоне междоусобных войн и войн с кочевниками за доминирование на Северо-Западном и Центральном Кавказе на протяжении XIII – XVII вв., а так же их видоизменений под влиянием «демократического» переворота произошедшего в ряде этнических групп адыгов в конце XVIII в.

В **первом параграфе** описываются общественно-экономический строй адыгов и структура их военной организации в XVIII в., выделяются факторы, повлекшие за собой их изменения в конце XVIII в. и дается подробная характеристика этих изменений.

Для более глубокого исследования проблемы становления и развития военной организации адыгов необходимо провести анализ самого этого понятия. Согласно определению одного из основоположников советской военно-исторической науки профессора Е. А. Разина: «Вооруженная организация государства, класса или народа в целом, а непосредственно - вооруженные силы - есть средство ведения войны»³².

Вследствие постоянных нашествий завоевателей, низкого уровня развития производительных сил и производственных отношений, а также географической и политической изолированности Черкесии, адыги не достигли в своем общественном развитии уровня образования государства и фактически не имели вооруженных сил в том виде, в каком они существуют в государстве. При общинно-родовом строе племена адыгов представляли собой самодействующую вооруженную организацию всего народа, основной задачей которой являлась защита от внешнего нападения. С разложением родового строя сначала появились временные военные объединения, которые в период «военной демократии» превратились в дружины военачальников. С возникновением феодальных отношений, дружина стала личной военной организацией горского феодала, дававшей ему власть над крестьянами.

Общественный строй адыгов отличался большой устойчивостью и не менялся на протяжении многих веков. Примерно с XIII в. у них шел процесс разложения родовых отношений и складывания феодализма, который к XVIII в. все еще не был завершен. В основе организации общественной жизни лежала земледельческая община (куадж), объединявшая ряд аулов (хабсй). Несколько общин образовывали племя, которое отличали явно выраженные черты складывающегося феодального строя, с юридически оформленной сословной структурой общества, господствующей ролью князей и дворян и феодально-зависимым положением значительной части крестьянства. В то же время все это не исключало сохранения у них общинно-родовых институтов.

Адыгские племена были различны по численности, от небольших этнических групп в 2 – 5 тыс. до могущественных в 160 – 200 тыс. человек. Причем на протяжении столетий число племен менялось. Некоторые из них исчезли или потеряли значение самостоятельных образований. Так, например, достаточно крупное в XVII веке племя шагаков, в 1812 г. почти полностью вымерло от чумы, а его остатки слились с натухайцами. В 1802 г. в столкновении с черноморскими казаками практически поголовно были истреблены некогда грозные и воинственные жанеевцы. В результате, согласно источникам, в XVII в. насчитывалось одиннадцать племен, в XVIII в. – восемнадцать, в середине XIX в. – вновь одиннадцать.³³

Все население Черкесии делилось на шесть основных классов: князей, дворян трех степеней, вольных земледельцев, вольноотпущенников, крепостных крестьян и рабов.³⁴ Структура военной организации соответствовала социальной структуре общества. До XVI - первой половины XVII вв. она представляла собой типичную военную организацию раннефеодального типа и состояла из разрозненных военных сил крупных феодалов (князей), служивших им как для защиты их подданных, так и для поддержания власти над ними. Эти воинские контингенты отличались схожей структурой. Каждый из них включал в себя: личную дружину феодала (князя), военные дружины зависимых от него вассалов –

³² Разин Е. А. История военного искусства. Санкт-Петербург, 1994. Т. 2. С. 16.

³³ Эвлия Челеби. Указ. Соч. С. 28, 69; Гарланов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв.). Москва, 1967. С. 21, 22, 43.

³⁴ К сожалению, письменные источники дают нам весьма скудные сведения о структуре феодальной системы адыгских племен XVII – начала XVIII вв. Однако, учитывая консерватизм и патриархальность традиционного черкесского общества, можно с достаточно высокой вероятностью считать, что она была более или менее идентична структуре хорошо описанных в исторической литературе конца XVIII – первой половины XIX в. «аристократических» племен.

более мелких феодальных владетелей (первостепенных дворян), и ополчение из подвластных им вольных земледельцев и крепостных крестьян.

В целом такая военная организация характеризовалась отсутствием централизованного управления, слабой воинской дисциплиной, доминированием на полях сражений относительно немногочисленной тяжелой феодальной конницы, состоявшей из профессиональных воинов индивидуалов (мелких не владетельных дворян), и низкими боевыми качествами плохо вооруженного и обученного крестьянского пешего ополчения. А так же преимущественно набеговыми, партизанскими методами ведения войны, сложившимися ещё в эпоху «военной демократии» и получившими свое дальнейшее развитие в феодальный период.

К основным внутренним факторам, повлиявшим на трансформации традиционной военной организации адыгов и ее основных подсистем, можно отнести снятие запретов на приобретение простонародьем лошадей и распространение огнестрельного оружия в XVI – первой половине XVIII вв., а так же «демократические» преобразования в ряде адыгских племен в конце XVIII века, изменившие их общественно-политическое устройство.

С отменой в XVI в. запрета на приобретение крестьянством лошадей, вызванной, по-видимому, бесконечными военными столкновениями с кочевниками, у адыгов, помимо тяжелой конницы и пехоты появился еще один род войск – легкая кавалерия, использовавшаяся для разведки, охранения, сторожевой службы и поддержки тяжелой конницы в бою. В свою очередь, это значительно расширило тактические возможности их военных формирований. Вместе с тем, распространение в середине XVII – начале XVIII вв. огнестрельного оружия, превратило плохо вооруженных ополченцев в конных и пеших стрелков соответственно. При этом их боевая эффективность возросла настолько, что они стали способны оказывать решающее влияние на исход сражений, поскольку ружье, обладавшее высокой пробивной мощностью, позволяло стрелку на равных сражаться даже с тяжеловооруженными конными латниками. Все это, наряду с другими факторами, повлекло за собой обострение классовой борьбы и ослабление феодальной системы. В результате, в конце XVIII в. в трех наиболее многочисленных адыгских племенах шапсугов, абадзехов и натухайцев произошел «демократический» переворот, ликвидировавший власть феодальной верхушки и восстановивший достаточно прочные социально-политические институты общинно-родового строя. Различия, появившиеся в общественном устройстве так называемых «аристократических» и «демократических» племен, стали причиной существенных отличий в структуре военных организаций обеих групп.

В «аристократических» племенах роль основной военной силы играла, как и ранее, военно-родовая «аристократия», представленная князьями и дворянами, рассматривавшими войну как свое главное занятие и основной источник роста своего политического и экономического могущества. Поэтому ядро феодального войска образовывали дворянские дружины, формировавшие тяжелую конницу, а отряды крестьян по-прежнему считались здесь лишь вспомогательными военными формированиями. Напротив, в «демократических» племенах, восстановивших достаточно прочные социально-политические институты общинно-родового строя, воинами, равными друг другу, считались все взрослые мужчины, принадлежавшие к сословию свободных крестьян – тфокотлей. Именно они и составляли, в виде народного ополчения, костяк военной организации племени, в то время как дворянские дружины и феодальные ополчения стали играть здесь лишь второстепенную роль, поскольку их участие в военных предприятиях зачастую вообще исключалось классовой борьбой и внутрисполитическими противоречиями.

Соответственно воинские контингенты «аристократических» племен формировались сообразно с иерархической системой феодального вассалитета и

патроната. У «демократических» же племен основным принципом комплектования войск стал фамильно-родственный, в сочтении с территориальным. Последний принцип (от каждых 10 и 100 дворов) превратился в доминирующий с конца 1840-х годов. При этом если в княжествах «верховными главнокомандующими» вплоть до конца Кавказской войны оставались старшие представители правящих династий, то дворянство «демократических» народов, неоднократно предававшее интересы соплеменников ради личной выгоды, с середины 1840-х годов было практически вытеснено из руководства военными силами старшинской верхушкой и духовенством. Изменения в сфере военного лидерства соответствовали процессам демократизации в адыгском обществе.

Таким образом, в «демократических» племенах военная организация феодального типа фактически была вытеснена военной организацией общинно-родового типа, т.е. военной организацией всего народа, предназначенной отстаивать интересы этого народа при любых военных столкновениях. В целом же, именно благодаря возрождавшимся «демократическим» традициям, адыгское общество, всем ходом своего предшествующего развития оказалось подготовлено к масштабным преобразованиям в политической и военной сфере, ставшим необходимыми в условиях надвигающейся внешней угрозы.

Второй параграф посвящен рассмотрению одной из основных подсистем военной организации адыгов – системы военной подготовки и воинского воспитания молодежи.

К XVIII в. адыги выработали весьма эффективную систему военной подготовки и воинского воспитания молодежи, отличавшуюся самобытными принципами, методами и средствами обучения. Эта система являлась неотъемлемой частью военной организации горцев, без которой само существование этой организации было бы попросту бессмысленно и, вместе с тем, сама система воспитания была продуктом этой самой организации. Постоянная угроза вторжения извне, практика военных набегов на соседей, феодальные междоусобицы, кровная месть, отсутствие институтов государственной власти – все эти факторы определили военную направленность народной педагогики адыгов. Еще в условиях господства общинно-родового строя её краеугольным камнем стало воспитание мужчины-воина, готового с оружием в руках в любую минуту выступить на защиту своего имущества, своей семьи, своего рода, общины или всей страны. Воина, способного, при необходимости, пожертвовать собой ради общего блага. Но способность к самопожертвованию требовала формирования соответствующей морали и нравственности. Поэтому адыги уделяли этому аспекту не меньшее внимание, чем военной и физической подготовке воспитуемого.

Зарождение и развитие феодализма не изменило сути системы воспитания воинов, но привнесло в нее дух рыцарства и воинский этикет, регламентировавший взаимоотношения князей и дворян различных степеней, порядок их подчиненности друг другу, тонкости поведения человека на войне и другие аспекты военной деятельности. Состояние перманентной войны на территории Северо-Западного Кавказа, обусловленное феодальной анархией, исторически привело к крайней милитаризации общественного сознания адыгов, свод общезначимых ценностей которых формировался под влиянием «уорк хабз» — кодекса рыцарских представлений дворянства.

Адыги не остановились, подобно своим соседям, на ступени обыкновенного военного общества, но развили свои воинственные обычаи до идеальной тонкости, до настоящей виртуозности, воплотили принцип военно-аристократических свободных учреждений в живые, привлекательные формы и возвели их в цельную, стройную систему. В развитии воинственности и рыцарских обычаев, у них значительную роль, несомненно, играли внешние факторы, такие как постоянная угроза экспансии извне, междоусобные войны, политическая нестабильность. Но они не были определяющими и играли скорее второстепенную роль. Причины же следует искать не во внешних условиях, а внутри духовно-нравственной культуры адыгов, в механизме традиционной самоорганизации народа. Большинство авторов, которые интересовались феноменом

черкесской храбрости, воинской доблести, благородства, указывают на то, что именно сложная и глубоко продуманная система морального и нравственного воспитания горцев являлась его основой.

Таким образом, традиционная система воспитания молодежи, сложившаяся у адыгов к XVIII в. была весьма характерна для раннефеодального общества с предгосударственной структурой, отягощённого пережитками общинно-родовых отношений, и присущей ему военной организации. Так же как и в Западной Европе феодального периода, основное внимание здесь концентрировалось на индивидуальной подготовке бойца «профессионала». Однако, в отличие от раннефеодальной Европы, военную подготовку в Черкесии проходили не только знатные юноши, но и дети простых людей, что, по сути, являлось пережитком доклассового, родоплеменного общества. Вместе с тем, с усилением роли ислама, в экстремальных условиях Кавказской войны, в деле воинского воспитания молодежи стали проявляться и новые приоритеты, носившие военно-теократический характер. В целом же, система военной подготовки, основанная на индивидуальных принципах обучения и рыцарском духе, свойственных феодальному обществу, в полной мере отразилась на способах ведения войны и боя, сложившихся в рамках военной организации горцев.

Третий параграф содержит сведения о родах войск, существовавшие в рамках традиционной военной организации адыгов, их боевых порядках, формах взаимодействия и способах ведения войны и боя.

В рассматриваемый период военные формирования адыгов состояли из трех родов войск: тяжелой феодальной конницы, комплектовавшейся представителями черкесской аристократии, а также легкой конницы и пехоты из простонародья. Кроме того, важной составляющей военных сил адыгских приморских племен был их военный флот.

Хорошо защищенная доспехами тяжелая кавалерия адыгов обладала большой ударной силой и была особенно опасна в открытом бою на ближней дистанции, когда дело доходило до рукопашной схватки. Важнейшим же качеством черкесских конных стрелков было то, что в случае необходимости, например на резко пересеченной местности, или при штурме вражеских укреплений, часть из них могла спешиваться и играть роль пехоты. Такое свойство делало легкую кавалерию адыгов по настоящему универсальной, пригодной как для лихих конных атак, разведки, боевого и походного охранения, рейдов по вражеским тылам и преследования разбитого неприятеля, так и для засад, штурма укреплений противника, подвижной обороны обширных территорий, защиты собственных населенных пунктов, партизанских действий на пересеченной местности и т.д. Т.е., по сути, превращало её в абсолютно самостоятельный, универсальный род войск, способный в одиночку решать большинство тактических задач.

В отличие от конницы, пехота адыгов комплектовалась малоимущими – не имевшими лошадей и, как правило, хуже вооруженными представителями свободных и зависимых сословий. Обычно она не принимала практического участия в крупных военных операциях за пределами Черкесии и использовалась, как правило, при защите от нападений внешних врагов и в межплеменных конфликтах, для ведения боевых действий на резко пересеченной местности, а также для обороны собственных населенных пунктов.

До конца XVIII в. боевые порядки адыгского войска состояли из отдельных отрядов крупных черкесских феодалов и основывались, в основном, на взаимодействии тяжелой конницы, наносившей главный удар сомкнутой массой, и легкой конницы, готовившей ее атаку в рассыпном строю и осуществлявшей преследование разбитого противника. Что же касается боевых порядков и тактики черкесской пехоты, то отсутствие штыков и правильных боевых построений делало ее крайне уязвимой на равнинной местности. Поэтому она предпочитала вести оборонительный бой на укрепленных позициях, защищенных естественными или искусственными препятствиями, и являлась опорой для своей кавалерии при совместных действиях.

В ходе междоусобных войн и военно-политического соперничества с кочевниками за господство в Северокавказском регионе, адыги выработали две взаимодополнявших друг друга традиционных системы ведения боевых действий. Одну - в форме открытого противостояния неприятелю большими силами, другую - в форме партизанской войны мелкими отрядами. Первая предполагала совершение крупных набегов на территорию противника и разгром его сил в генеральном наступательном сражении, либо нанесение поражения противнику в одной - двух больших оборонительных битвах на собственной территории. В рамках же ведения партизанской войны адыги применяли наступательную тактику мелких набегов, ориентированную на экономическое истощение вражеской территории, и оборонительную тактику мертвых зон, направленную на изматывание и уничтожение вторгшихся сил неприятеля в ходе параллельного преследования и непрерывных нападений на обратном пути его следования.

Во время боя использовались различные тактические приемы и военные хитрости - ложное отступление, засады, нападение с разных сторон, засылка в лагерь противника дезинформаторов и убийц под видом перебежчиков, использование поджогов и скота для дезорганизации вражеского боевого порядка, внезапные нападения в ночное и утреннее время, организация искусственных обвалов в горах, окружение и фланговые обходы.

Тактика морских сражений, применявшаяся горцами в этот период, включала быстрое и внезапное сближение с кораблем противника и его захват в абордажной схватке. Внезапность достигалась тем, что нападение обычно совершалось либо ночью, либо со стороны солнца, либо в тумане³⁵. Борьба с крупными парусными кораблями велась, как правило, силами нескольких галер, атаковавших с разных сторон.

Таким образом, в целом, военная организация адыгов имела достаточно развитую для раннефеодального общества структуру, включавшую четыре рода войск - тяжелую и легкую конницу, пехоту и военный флот, а также довольно сложные боевые порядки, позволявшие им успешно взаимодействовать между собой на поле боя.

Во второй главе «Трансформации военной организации и особенности вооруженной борьбы адыгов в период Кавказской войны» анализируются причины, которые привели к дальнейшим изменениям структуры военной организации адыгов, прослеживается характер этих изменений, а также направления развития военного искусства горцев в ходе длительного военного противостояния с царской Россией и причины поражения их военных формирований.

В первом параграфе исследуется характер боевых действий на Кавказе и его влияние на военную организацию адыгов.

Основным внешним фактором, определявшим трансформации военных сил адыгов и способов их употребления, был фактор нарастающего российского присутствия в регионе, воплотившийся в политические притязания Российской империи на территорию Черкесии и вылившийся в кровопролитную затяжную Кавказскую войну. В условиях все нарастающего политического, экономического и военного давления России, именно внешние обстоятельства стали основными движущими силами дальнейших изменений в традиционной военной организации адыгов, а их борьба за независимость стала главным побудительным мотивом для её внутренних преобразований.

На Кавказ Россию привели имперская тенденция к расширению границ и геополитическое соперничество с Турцией, Англией и Ираном за обретение господства над Черным, Азовским и Каспийским морями. При этом в отношении коренного

³⁵ И. Ф. Бларамберг, составивший в 1833-1834 гг. подробное описание народов Северного Кавказа, отмечал в своей работе следующее: «они (черкесы - Д. А.) стараются нападать на неподвижные суда ночью и внезапно, и берут их на абордаж при том условии, когда их силы значительно превосходят экипаж судна. Если их удастся удержать на расстоянии с помощью нескольких выстрелов из пушки, то судно спасено, но если они идут на абордаж, то чаще всего берут верх» (См. Бларамберг И. Ф. Указ. Соч. С. 191).

населения Кавказа политика присоединения и интеграции проводилась в основном силовыми средствами, что в конечном итоге повлекло за собой длительное военное противостояние, продолжавшееся с перерывами более 100 лет и получившее в научной исторической литературе название Кавказская война³⁶.

Стратегия царского командования направленная на покорение Северо-Западного Кавказа состояла из нескольких основных компонентов. На первом этапе в глубь черкесских земель направлялись крупные войсковые соединения, задачей которых был поиск и разгром «главных» военных сил горцев. Однако особенности военной организации адыгов, «заклучавшиеся в отсутствии явно выраженных центров сопротивления и центров, обеспечивающих сопротивление, удар по которым мог бы это сопротивление сломить или хотя бы подорвать», быстро доказали царскому командованию не эффективность и рискованность подобных мероприятий³⁷. По этой причине, в дальнейшем, стратегия глубоких вторжений трансформировалась в стратегию экономического разорения «непокорных» приграничных территорий, направленную на то, чтобы оставить горцев без крова, пропитания и средств к существованию³⁸. Для её реализации из состава гарнизонов укреплений и войсковых резервов Кавказской линии высылались достаточно крупные отряды, которые жгли аулы, посевы и корма для животных, угоняли скот, по возможности захватывали и истребляли жителей. Но натуральное хозяйство адыгов обладало высокой степенью регенерации, и было малоуязвимо для карательных акций.

Все это доказывало, что для завоевания Северо-Западного Кавказа нужны иные меры. Поэтому параллельно реализовывалась стратегия постепенного захвата и изоляции захваченных территорий, впервые предложенная и опробованная в Кабарде и в Закубанье генералами Ермоловым и Вельяминовым³⁹. Суть этой стратегии, по описанию историка М.Н. Покровского сводилась к тому «чтобы подвигаться вперед медленно и постепенно, шаг за шагом, вырубая леса и прокладывая дороги, связывая занимаемые позиции в одну сплошную сеть, со всех сторон охватывавшую убежища горцев»⁴⁰. При этом командование царских войск достаточно умело использовало межплеменную рознь, феодальную раздробленность и классовую борьбу в горских обществах для поэтапной военной и политической изоляции отдельных племен и целых народов, вследствие чего последние уже не могли активно участвовать в боевых действиях. Силой оружия их сначала заставляли дать присягу на подданство России и переводили в разряд «мирных», затем захватывали принадлежавшие им земли, и осуществляли окончательную колонизацию, сопровождавшуюся уничтожением и выселением подавляющего большинства коренных жителей с их исторической родины и заселением «освободившихся» территорий русскоязычным населением.

В ходе войны адыги пытались, как могли, противодействовать планам захватчиков. С одной стороны, на уже покоренных территориях разворачивалось партизанское движение. С другой - чтобы как-то скоординировать и согласовать свои действия перед лицом внешней угрозы, вожди независимых адыгских племен периодически собирались в заранее определенных местах на общие съезды. В начале 30-х гг. XIX столетия, на одном из очередных съездов, их племена заключили военный и политический союз и приняли национальный флаг. Условия союза предусматривали соединение вооруженных сил

³⁶ Хотя более правильно было бы вести речь о целом ряде Кавказских войн, которые продолжались с разной степенью интенсивности более ста лет – Прим. Авт.

³⁷ Фадеев Р. А. Указ. Соч. С. 11.

³⁸ ГАКК, Ф. 670. Оп. 1, Д. 24. ЛЛ 119-121.

³⁹ № 32 ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 31. ЛЛ 1-19; № 60 ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 39. ЛЛ. 23-38 //Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Нальчик, 2001. Часть 1. С. 73-83; 108-113.

⁴⁰ Покровский М.Н. Указ. Соч. С. 214.

горцев, недопущение связей с русской администрацией и населением, запрет на ведение сепаратных переговоров с царским командованием.

Таким образом, в рамках союза борьба западных адыгов и их союзников приобрела более организованный и, соответственно, более упорный характер. Но в дальнейшем положение изменилось. Сравнительно малочисленные «аристократические» племена, проживавшие в относительно равнинных местах на Малой Кубани, Лабе и Урупе, были слишком слабы, чтобы оказывать длительное сопротивление регулярным войскам. В то же время князья и владетельные дворяне, возглавлявшие эти племена, стремились любой ценой сохранить родовые привилегии и свою власть над народом, все более тяготевшим к «демократическим» переменам. Ради этого многие из них соглашались служить царю и вступали со своими людьми в русское подданство. В результате, к середине 30-х годов XIX в. добровольно или силой оружия были приведены к присяге и переведены в разряд «мирных» - бесленевцы, егерухаевцы, темиргоевцы, махошевцы, хатукаевцы и бжедуги.

Выход равнинных княжеств из состава союза означал фактический распад широкой антирусской коалиции адыгских народов. Более того, деление горцев на «мирных» и «немирных», позволило царским колонизаторам вновь разжечь утихнувшую на время межплеменную рознь. Продолжавшие воевать «демократические» племена: натухайцы, шапсуги, абадзехи и союзные им убыхи, оказались в одиночестве. Это вынудило их предпринять адекватные меры.

В период с 1835 по 1849 гг., между непокорными черкесскими племенами проявляется активная деятельность по созданию собственного союза - учащаются съезды вождей, заключаются межплеменные договоры, принимаются меры к прекращению внутренних усобиц и т. д. К наиболее значимым мероприятиям этого периода относятся собрание на реке Пшехе (1841), Шебжское собрание (1847) и Адагумская конференция (1848-1849 гг.). Их итогом стало проведение целого ряда общественно-политических и военных реформ. Поначалу это было учреждение постоянно действующих военно-административных центров (мекеме) и создание подразделений жандармско-полицейского и военного характера - муртазек. Затем была образована конфедерация натухайцев, шапсугов, абадзехов и убыхов, в рамках которой ликвидировалось существовавшее ранее двойственное административное деление на родовые союзы и территориальные общины. Вся территория конфедерации разделялась на административные участки по 100 дворов в каждом. Участками управляли избранные народом старшины, которые обязывались исполнять распоряжения народных собраний, своевременно взимать налоги, собирать народ на войну, следить за соблюдением общественного порядка и т. д. Для поддержания власти старшин в их распоряжение выделялось определенное количество муртазек. Несколько участков, расположенных в одной долине, имели в качестве общего руководящего органа управления совет долины. Для решения вопросов касавшихся всей конфедерации, созывались собрания представителей всех населявших ее народностей.

В дальнейшем проведение реформ натолкнулось на упорное сопротивление, как прежних мощных родовых объединений, так и феодальной аристократии. Реформаторы поняли, что единственным средством к сплочению черкесского общества в борьбе за независимость является ислам. Именно в этот период заметную роль в активизации национально - освободительного движения закубанских адыгов начинают играть наибы Шамиля - имама Чечни и Дагестана, в 1834-1859 гг., возглавлявшего сопротивление горцев Северо-Восточного Кавказа. Через своих наибов (генералов) Шамиль стремился распространить влияние мюридизма на Северо-Западном Кавказе, объединить на базе ислама разрозненные черкесские племена в единое военно-теократическое государство⁴¹, организовать общий Кавказский фронт от Азовского до Каспийского моря и, таким

⁴¹ Подобное имамату созданному им самим в Чечне и Дагестане - прим. Авт.

образом, мобилизовать все силы горских народов для газавата - священной войны против царской России.

Наибольших успехов на этом поприще добился наиб Магомет Амин. Действуя энергично и целеустремленно, он решительно продолжил проведение реформ намеченных Адагумской конференцией. Тем не менее, наиб считал, что конфедеративное устройство не отвечает коренным интересам большинства населения Черкесии, и предпринял попытку создать централизованное черкесское государство, которое должно было объединить не только враждебные царизму, но и «мирные» народы. Государственная система Магомет - Амина во многом напоминала государственную систему имамата Шамиля, так как наиб действовал «подражая во всем своему имаму»⁴². Он ввел мусульманские законы, учредил шариатские суды, стал собирать налоги, создал постоянное войско, начал добиваться отмены рабства и феодальной зависимости крестьян, а также прекращения работорговли.

Создавая адыгскую государственность в условиях ведения Кавказской войны, наиб проявлял напряженную заботу о реформировании военной организации адыгов и создании постоянных военных сил. Это было основной задачей на протяжении всей его деятельности. Ядро этих сил составляли «муртазески» - воины последователи мюридизма, игравшие роль конной гвардии и телохранителей наиба. Другую, более многочисленную часть его военных сил составляли «темдеш» - пешие и конные воины ополчения, принявшие присягу на верность⁴³. Вся подконтрольная наибу территория делилась на участки и округа, в которых строились укрепления – «мегеме»,⁴⁴ по сути являвшиеся окружными судебными и военно-административными центрами, а также сборными пунктами войск. Помимо совершенствования структуры военной организации предпринимались меры по совершенствованию способов употребления военных сил горцев. С этой целью использовались русские перебежчики, венгерские и польские волонтеры.

Государственное образование Магомет Амина просуществовало до 1859 г. Наибу Шамиля не удалось создать прочной государственной системы, не все черкесские земли были включены в нее на постоянной основе. Ядром ее являлась Абадзехия. Политическому и военному объединению западных адыгов препятствовали межплеменные распри, подогреваемые царизмом, и социальная борьба внутри адыгских обществ. Мусульманское государство, к которому стремился Магомет Амин, являлось военно-теократическим. В Черкесии же, позиции ислама были не так сильны, как, например, в Чечне и Дагестане, чтобы играть роль консолидирующего элемента в государственной системе. К тому же дух свободы и независимости черкесов противоречили строгим рамкам теократического государства.⁴⁵

С прекращением в 1859 году деятельности наиба в Черкесии, адыги продолжили начатые преобразования самостоятельно, в рамках «Великого Меджлиса вольности черкесской». По сути, Меджлис представлял собой адыгское государственное образование с присущей ему административной системой. Подвластная Меджлису территория Закубанья была разделена на 12 округов, создан аппарат управления и введены налоги, построены здания суда, молельни и кунацкие. Помимо народного ополчения, каждые 100 дворов, должны были выставлять по 6 хорошо вооруженных всадников для формирования

⁴² Н. Карягоф. «Магомет-Амин» // Мухаммад - Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века (сборник документов и материалов). Махачкала, 1998. С. 83.

⁴³ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1041. Л. 30.

⁴⁴ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1041. Л. 49 об.

⁴⁵ Х.Ш. Муфти писал по этому поводу: «Он (Магомет Амин – Д.А.) натолкнулся на сильное сопротивление нации, чьим высшим идеалом была личная свобода и свободная, ничем не скованная жизнь» (см. Хавожко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 213).

постоянного войска. В отличие от государственной системы Магомет Амнина, в основе Меджлиса лежал принцип коллегиального принятия решений и выборности его членов. К тому же эта организация не имела ярко выраженного теократического характера, хотя духовенство и сохраняло во всех ее звеньях значительное влияние.

Таким образом, совершенствование военной организации проводилось горцами в рамках государственного строительства и привело к значительной консолидации военных усилий разрозненных адыгских племен в борьбе с российской экспансией, появлению военно-административного аппарата, постоянных военных формирований, совершенствованию системы комплектования, снабжения и обеспечения войск. При этом «демократические» племена адыгов, проживавшие за рекой Лабой и по восточному берегу Черного моря, до конца войны оставались ядром антироссийского пакта на Северо-Западном Кавказе. При благоприятных внешнеполитических условиях они периодически вовлекали в орбиту государственного строительства и борьбы за независимость «аристократические» племена, находившиеся под управлением российской администрации, и другие кавказские народы. Однако государственное строительство и переход к более прогрессивной общественно-экономической формации, как необходимые условия совершенствования военной организации, требовали времени, которого у адыгов, в связи со складывавшейся внешнеполитической и военной обстановкой, уже не было. Поэтому отчаянные внутренние и внешние попытки не могли коренным образом изменить ситуацию.

Второй параграф посвящен тенденциям развития военного искусства адыгов в условиях Кавказской войны.

На протяжении многих веков относительно немногочисленная тяжелая конница, комплектовавшаяся представителями родоплеменной, а затем феодальной знати, оставалась главной ударной силой адыгских племен, решавшей исход любого крупного полевого сражения. Однако с началом Кавказской войны боевые действия, в массе своей, приобрели характер маневренной горной партизанской войны, в ходе которой роль тяжелой конницы постепенно снижалась, а роль легкой конницы неуклонно росла⁴⁶.

Примерно в это же время, у папсугов, абадзехов и натухайцев произошел «демократический» переворот, ликвидировавший власть старой феодальной верхушки. С изменением общественного строя, подверглась изменением и структура военной организации, повлекшая за собой изменения качественного состава отрядов «демократических» племен и тактики их действий. Главную роль здесь стало играть народное ополчение, наиболее боеспособной частью которого выступали конные стрелки из числа вольных земледельцев, действовавшие самостоятельно и независимо от тяжелой дворянской конницы и применявшие иные боевые приемы и построения. Отсутствие тяжелой конницы вынуждало их совмещать как ударные функции, так и функции прикрытия. При этом их боевые порядки обычно состояли из отдельных отрядов односельчан или родственников, возглавляемых старшинами, либо родовыми вождями, а тактика действий этих отрядов основывалась на комбинации плотного и рассыпного строя, с попеременным использованием холодного и огнестрельного оружия.

В ходе «революционных» преобразований черкесского общества боевые порядки и тактика черкесской пехоты, не претерпели существенных изменений. Однако положение пехоты «аристократических» и «демократических» племен было различным. В «аристократических» племенах, в силу феодальных традиций, она рассматривалась лишь в качестве вспомогательного рода войск и использовалась весьма ограниченно, в основном для обороны собственной территории. В «демократических» же племенах, во многом избавившихся от этих традиций, пехоту считали равноправным партнером

⁴⁶ Тенденция эта особенно усилилась в 30-х гг. XIX в., когда большинство «аристократических» племен стали «мирными» и были выведены из активных боевых действий - прим. Авт.

кавалерии. Благодаря этому обстоятельству, в годы Кавказской войны её широко использовали для ведения наступательных боевых действий на резко пересеченной местности, устройства больших засад, штурма пограничных укреплений и вражеских крепостей, возведенных на черкесских землях, а также для обороны своих населенных пунктов. При этом пехотинцы были вынуждены полностью отказаться от использования вагенбурга, ввиду его крайней уязвимости для массированного огня артиллерии, а акцент в развитии их тактики сместился в сторону боя на резкопересеченной местности.

Хотя у всех адыгских народов кавалерия играла главную, а пехота второстепенную роль, в качественном отношении уровень их развития у разных племен был не одинаков. Лучшую конницу имели «аристократические» племена, которые проживали на относительно равнинных местах и выработали более высокую, в сравнении с остальными, культуру коневодства. В открытом столкновении такой коннице не было равных. В свою очередь «демократические» племена (или отдельные общества), проживавшие в горно-лесистых районах страны, располагали более стойкой и боеспособной пехотой, а их конные стрелки, умело действовавшие в конном и, особенно в пешем строю, были лучше приспособлены для боя в стесненных условиях.

Вместе с тем система ведения войны горцев усложнилась и стала носить более упорядоченный характер, в связи с консолидацией их сил на базе государственного и военного строительства. В противоборстве с мощной регулярной армией, использовавшей как стратегию глубоких вторжений, так и стратегию постепенного захвата и колонизации отдельных территорий, у адыгов появились элементы собственной стратегии, в рамках которой военные действия с их стороны стали носить ярко выраженный наступательный, контрнаступательный и оборонительный характер. Стратегические задачи военных формирований Западной Черкесии (как дипломатические, так и чисто военные) были продиктованы адыгской военной доктриной, главным положением которой было сохранение политической независимости страны. При этом основной вид стратегических действий (активная оборона, наступление или контрнаступление) избирался в соответствии с конкретной военно-политической обстановкой и действиями противника.

Так, в рамках наступательных действий, стратегия больших и малых набегов способствовала рассредоточению сил противника, позволяла наносить ему удары с тыла и с флангов, нарушать его стратегические коммуникации, создавала преувеличенное впечатление об истинных военных возможностях горцев и, таким образом, затягивала войну. А это, в свою очередь, сильно подрывало авторитет царизма не только в самой России, но и на международной арене.

Наступательные действия в оперативной глубине правого фланга и центра Кавказской линии адыги сочетали с контрнаступательными действиями в приграничной полосе и на захваченных царской военщиной черкесских землях, в которых самое активное участие принимала не только их конница, но и пехота. Здесь их операции также носили как широкомасштабный, так и партизанский характер. В первом случае основной целью адыгов было разрушение пограничных станиц и укреплений входивших в состав береговой и кордонных линий. Причем штурм укреплений Черноморской береговой линии велся не только с суши, но и с моря, во взаимодействии с черкесским флотом.

Наряду с крупномасштабными контрнаступательными операциями адыги вели на оккупированных землях практически не прекращавшуюся тотальную партизанскую войну. Небольшие конные и пешие партии их воинов держали противника в постоянном напряжении и страхе, изматывая его силы бесконечными мелкими нападениями на обозы, отряды фуражиров, сторожевые посты и казачьи разъезды. Эти вылазки нарушали систему коммуникаций врага, затрудняли снабжение его войск и гарнизонов оружием, продовольствием и снаряжением. Своими успехами партизаны во многом были обязаны поддержке, которую оказывали им жители «мирных» аулов. В рамках оборонительной

стратегии адыги применяли традиционную для них тактику мертвых зон, направленную на предотвращение продвижения царских войск в глубь черкесских земель.

Боевые действия на суше сочетались с активными боевыми действиями на море. Горский флот вел активную борьбу с крейсерством военных кораблей российского флота блокировавших побережье и нарушавших поставки оружия из Турции и Англии, захватывал его торговые корабли и выполнял целый ряд вспомогательных функций. Каперство способствовало рассредоточению военного флота противника, нарушало его морские стратегические коммуникации и затрудняло снабжение гарнизонов береговых укреплений. При этом если в начале войны, как на суше, так и на море преобладали крупномасштабные действия, то в ее конце акцент все более смещался к партизанским формам борьбы.

Кавказская война наглядно продемонстрировала не только нарождающееся стратегическое искусство, но и все богатство тактических возможностей военных сил адыгов. Перед началом военной операции осуществлялся комплекс мероприятий разведывательного и контрразведывательного характера. С целью сосредоточения военных сил вблизи места ожидаемого боевого соприкосновения с противником, создавался военный лагерь, откуда, разделяясь на отряды, и выдвигались войска. Управление войсками в бою осуществлялось рассылкой гонцов и подачей условных сигналов, в т.ч. — положением знамен. Гибкость тактики обуславливала подвижность боевого построения и последовательность применения оружия в бою. Доминантой наступательного боя являлся конный «удар в шашки». Оборонительная тактика основывалась на использовании винтовочного огня и завалов. В ходе боя использовались различные маневры, с использование рассыпного и плотного строя, либо их комбинации. Значительное распространение получила тактика ложного отступления с последующей контратакой или с наведением на засаду.

Инновацией и своеобразной демонстрацией всего арсенала тактических возможностей и военных приемов адыгов стали массовые атаки российских укреплений. Перед началом штурма проводилась рекогносцировка местности, и выявлялись наиболее удобные подступы и уязвимые места в обороне. Затем укрепление блокировалось и проводилась подготовка к штурму, включавшая изготовление фашин, доставку штурмовых лестниц и проведение нескольких ложных атак изматывавших гарнизон. После этого начинался сам штурм, который велся с разных направлений и при необходимости повторялся.

Другим нововведением стало применение артиллерии в полевом бою и при осаде укреплений. Но, несмотря на постепенное накопление артиллерии адыгами в ходе войны, она использовалась эпизодически, что было продиктовано как объективными причинами (нехваткой боеприпасов и опытных канониров), так и укоренившимися представлениями о «правильном бое», успех которого зависит только от личного мужества его участников и их искусства владения традиционным набором вооружения. Порою знаковая имеющейся артиллерии перевешивала возможности ее боевого применения. Однако, в общем, адыгская тактика ведения боевых действий в ходе Кавказской войны не претерпела значительных изменений, в силу преобладания традиционных партизанских методов ведения войны как наиболее эффективных и, зачастую, единственно возможных.

В третьем параграфе анализируются причины поражения военных формирований адыгов в Кавказской войне.

Поражение адыгов в Кавказской войне имело целый ряд как внешних, так и внутренних причин, таких как:

- крайняя архаичность и патриархальность черкесского общества, сопротивлявшегося любым переменам привычного образа жизни;
- разобщенность адыгских племен и их военных сил;

- отсутствие единого руководства народно-освободительным движением на непокорных и «мирных» территориях;

-превосходство царских войск в вооружении, ставшее особенно заметным к концу Кавказской войны;

-переоценка адыгами роли союзников, собственных возможностей и недооценка мощи противника;

И все же главной из них была несоизмеримость уровня социально-экономического и военного развития, количества людских и материальных ресурсов России и Черкесии того периода. Все остальные причины, фактически являлись следствием именно этой главной причины.

В XVIII - начале XIX вв. Россия представляла собой достаточно быстро развивавшуюся страну, которая благодаря реформам, начатым еще Петром I и продолженным Екатериной II, постепенно превращалась в могучую первоклассную державу. К началу XIX в. её территория (без учета территории Аляски, имевшей площадь 1519 тыс. кв. км и 416 тыс. населения) составляла около 16 млн. кв. км и на ней проживало 43 млн. 785 тыс. жителей.⁴⁷ Однако уже к 1897 г., за счет естественного прироста населения и присоединения ряда территорий, численность граждан империи возросла более чем вдвое и составила 93,4 млн. человек, а ее площадь достигла 22,4 млн. кв. км (то есть 1/6 часть суши на которой была сосредоточена почти треть мировых запасов сырья)⁴⁸.

В XVIII - начале XIX вв. в стране продолжался процесс постепенного разложения феодально-крепостнического строя и формирования более прогрессивного капиталистического способа производства. Быстрыми темпами развивалась промышленность. На подъеме находились культура и наука России. Значительного уровня развития достигла производственная и военная техника, позволявшая создать хорошую техническую базу для оснащения армии и флота добротным вооружением. Появилась мощная и технически совершенная артиллерия. Вместе с тем, благодаря реформам Петра I, Россия, одной из первых в мире, обзавелась постоянной регулярной армией, комплектовавшейся на основе воинской повинности населения – рекрутского набора, и качественно отличавшейся от профессиональных наемных армий Западной Европы, служивших исключительно за плату и долю в военной добыче. Его стараниями у России появился современный и многочисленный флот. При преемниках и последователях Петра I вооруженные силы России постоянно укреплялись - совершенствовалась их организация, система обучения, комплектования и снабжения войск, готовились офицерские кадры, развивалось российское военное искусство, содержавшее множество по-настоящему передовых для своего времени элементов – решительное наступление, штыковой удар, использование батальонных и ротных каре, маневрирование и атака в составе колонн.

Одновременно росла численность вооруженных сил, и накапливался их боевой опыт. В результате войн XVIII столетия, Россия присоединила к себе целый ряд новых территорий на Западе и Юге, а главное, получила выходы к Балтийскому, Азовскому и Черному морям. Закаляясь в боях, русская армия постепенно превратилась в грозную военную машину, превосходившую по своим боевым качествам армии как западных, так и восточных держав. По мере расширения границ империи численность ее войск постоянно росла. В петровские времена она насчитывала до 220 тыс. человек (1725 г.), а к

⁴⁷ Строков А.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. IV. С. 296.

⁴⁷ Электронный ресурс. Режим доступа <http://ru.wikipedia.org>

⁴⁸ Строков А.А. Указ. Соч. Т. IV. С. 14; 89.

⁴⁹ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 93-94.

концу царствования Екатерины Великой (1796 г.) увеличилась до полумиллиона человек, на содержание которых уходила почти половина всего государственного бюджета⁴⁹.

Именно в этот период, период экономического, научно-технического и военного подъема Российской империи, началось ее планомерное военное продвижение на Северный Кавказ. Первые части регулярной русской армии появились на Кавказе во время Персидского похода Петра I (1722 – 1723 гг.). В царствование Павла I (1796 – 1801 гг.) расположенные в регионе войска составили Кавказскую дивизию, затем, по мере перехода от оборонительно-подготовительной стадии завоевания Кавказа к наступательно-колониционной – инспекцию, Грузинский корпус, Отдельный Грузинский корпус, Отдельный Кавказский корпус и, наконец, с 1857 г., Кавказскую армию. При этом соответственно, постепенно увеличивалось количество кавказских войск. Если в 1816 г. их общая численность достигала 56164 чел. при 132-х полевых орудиях, то уже в 1859 г. Кавказская армия, без учета прикомандированных частей, насчитывала уже 225223 чел при 334 полевых орудиях⁵⁰. Причем, за счет войсковых резервов, ее численность могла быть быстро увеличена до 300 тыс. человек⁵¹. Общий же размер русской армии к концу правления Николая I (по данным военного министерства на 1 января 1853 г.) – достиг 1400 тыс. человек.⁵²

Что могли противопоставить адыги всей этой мощи? – на первый взгляд немного. Затянувшийся в Черкесии период феодальной раздробленности, во многом обусловленный патриархальной закрытостью общества, географической и политической изолированностью адыгских племен, неоднократными нашествиями завоевателей, сохранявшимися пережитками общинно-родового строя, духом личной свободы и независимости господствовавшим у горцев, не позволил адыгам сформировать собственное государство, с присущими ему институтами – верховной властью, судебном-административным аппаратом, постоянной армией. К XVIII в. все это предопределило значительное отставание Черкесии от централизованных государств Запада и Востока, в особенности в экономической и военной сфере. И, в первую очередь, от Европейских стран и России, в той или иной степени перешедших к капиталистическим способам производства, позволившим им создать и содержать массовые регулярные армии, артиллерию и флот, подготовить квалифицированные офицерские кадры, развивать передовое военное искусство. Ведь в это же самое время у адыгов господствовали кустарное производство, натуральный обмен и культ наездника – рыцаря (бойца индивидуала), характерные для раннефеодального общества, а так же, преимущественно набеговые, партизанские методы ведения войны, сложившиеся ещё в эпоху «военной демократии» и получившие свое дальнейшее развитие в феодальный период.

Отягощенная пережитками общинно-родового строя феодальная общественно-экономическая формация, складывавшаяся у адыгов, находилась все еще на ранней стадии своего развития. Она характеризовалась политической, экономической и военной раздробленностью, классовой борьбой, низким уровнем развития производительных сил и производственных отношений, консервативными взглядами на структуру военной организации и подходами к военному делу, отводившими тяжелой феодальной коннице место главного рода войск.

Экономическая и политическая раздробленность при феодальном строе порождала раздробленность военную, не только на межплеменном, но и на внутривосплеменном уровне. Войска «аристократических» племен, каждое в отдельности и все вместе взятые, представляли собой ополчение феодалов, временное, непостоянное их объединение. Несмотря на то, что феодальная система по своему происхождению являлась военной организацией, по своей сущности она была враждебна всякой настоящей дисциплине и

⁴⁹ Лапинский, Т. Указ. Соч. С. 39.

⁵² Строчков А.А. Указ. Соч. Т. IV. С. 411.

субординации, присущей регулярной армии. Каждый князь или князь-старшина был главнокомандующим лишь номинально, так как младшие князья и первостепенные дворяне, руководствуясь личной выгодой и собственными интересами, могли действовать абсолютно самостоятельно и независимо от его решений и даже вопреки им. Более того, зачастую так поступали не только князья и владетельные дворяне, но и дворяне низших рангов и даже свободные крестьяне.

С серьезными проблемами сталкивались и «демократические» племена. Решения представительных органов власти (народных собраний) носили здесь лишь рекомендательный характер, не было механизма их реализации. Пагубную роль играло фактическое отсутствие исполнительной власти, постоянных военных и полицейских сил, которые проводили бы решения представительных органов власти в жизнь. В результате сбор войск происходил медленно, неорганизованно и зачастую охватывал жителей только тех местностей, которые подверглись нападению, в то время как остальные оставались лишь пассивными наблюдателями.

Вместе с тем, недостатки общественно-политического устройства адыгов в целом, и отсталость их военной организации в частности, имели и другую, парадоксальную сторону. Будь Черкесия небольшим централизованным государством европейского типа, с маленькой регулярной армией и центральной верховной властью, она вынуждена была бы капитулировать перед огромной Российской империей уже через несколько месяцев, а может быть даже недель, после начала боевых действий. На самом же деле, в ходе покорения Черкесии, царской армии пришлось столкнуться не с армией враждебного государства, а с многочисленным, в большинстве своем вооруженным народом, разделенным на множество племен, не имевшим единого политического и военного руководства, обладавшим огромным опытом ведения партизанской войны и, при этом, готовым жертвовать жизнью ради независимости своей страны. Народом, высшим идеалом которого была личная свобода и вольная, ничем не скованная жизнь.

Военный быт сформировал у адыгов особый психологический тип личности, максимально приспособленный к экстремальным обстоятельствам. Ожесточенный и затяжной характер Кавказской войны надолго закрепил это явление, обусловив поголовную вовлеченность населения Западной Черкесии в боевые действия и сделав фактор российского военного присутствия донельзя привычным, обыденным явлением. В таких условиях различные элементы военной культуры адыгов проявили неодинаковую степень лабильности. Так, если комплекс физической и военно-прикладной подготовки не претерпел в этот период существенных изменений, то морально-этические нормы, регулировавшие поведение человека на войне, оказались серьезно деформированы. Значительному пересмотру подверглось отношение к противнику, ранее строго регламентированному кодексом рыцарской чести и ограниченному множеством условностей и запретов. Исключительно жестокие методы подавления черкесского сопротивления, активно работавшие на создание «образа врага», толкали адыгов на адекватные меры возмездия, повлекшие за собой перерастание конфликта в тотальную партизанскую войну. В результате царские войска увязли на Северо-Западном Кавказе и более ста лет не могли овладеть этой твердыней. Его покорение стоило им огромных жертв, а окончательное присоединение к России оказалось возможным только после беспрецедентного наращивания военных сил в регионе, колонизации черкесских земель и выселения подавляющего большинства коренных жителей с их исторической родины.

Таким образом, несмотря на целый ряд удачных трансформаций, военная организация адыгов не выдержала давления со стороны имперской России. Черкесское общество оказалось в условиях жестокого кризиса, а недостаток времени не позволил завершить начавшиеся преобразования в военно-политической сфере. Благодаря политике царского правительства, направленной на колонизацию черкесских земель, и движению «мухаджиров», подогреваемого турецкой пропагандой, партизанская война лишилась

своей основной социальной базы – населения. Военное поражение поставило точку в многолетнем поиске оптимальных инноваций, ознаменовав собой окончание очередного этапа в адыгской истории, совпавшего с гибелью исторической Черкесии.

В **Заключении** диссертации подведены итоги исследования и сформулированы выводы, составляющие основные, **выносимые на защиту положения**:

– К XVIII в. у адыгов сложилась структура военной организации, способы ведения войны и боя, комплекс вооружения и снаряжения, а также система военной подготовки и воинского воспитания, соответствовавшие эпохе раннего феодализма, отягощенного пережитками общинно-родового строя.

– Военные формирования адыгов сражались в бою не плохо организованными «ватагами» и «скопищами», а взаимодействовали между собой на поле брани разными родами войск, которые использовали определенные боевые порядки, плотный и рассыпной строй или их комбинацию.

– «Демократический» переворот, произошедший в конце XVIII в. в ряде адыгских племен, изменил их общественно-политическое устройство. Различия в общественном устройстве так называемых «аристократических» и «демократических» племен, стали причиной существенных отличий в структуре военных организаций, боевых порядках и тактике действий их военных формирований.

– Военная организация адыгов, на фоне военной организации русской регулярной армии конца XVIII – начала XIX вв. выглядела архаично, не соответствовала требованиям времени, что особенно остро проявилось в ходе Кавказской войны.

– Неотъемлемой частью военной организации адыгов была оригинальная система воспитания молодого поколения, отличавшаяся самобытными принципами, методами и средствами обучения. В период Кавказской войны эта система подверглась серьезной деформации, особенно в части моральных и нравственных норм, что, наряду с другими факторами, повлекло за собой крайнее ожесточение боевых действий, перерастание конфликта в тотальную партизанскую войну и, как следствие, выселение основной массы адыгского населения с его исторической родины.

– Несмотря на архаичность общественно-политического устройства адыгов и отсталость их военной организации в сравнении с военной организацией противника, продолжительность и масштабность сопротивления горцев объясняется тем, что царской армии, по сути, пришлось столкнуться с вооруженным народом, обладавшим огромным опытом ведения партизанской войны, народом, вся жизнь которого была пронизана духом свободы и независимости.

– Главная причина поражения адыгов в Кавказской войне заключалась в несоизмеримости уровня социально-экономического и военного развития, количества людских и материальных ресурсов России и Черкесии того периода.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статья, опубликованная в издании,
внесённом в список работ ВАК для публикации
материалов кандидатских диссертаций:

1. Аутлев Д.М. Социокультурные особенности военной организации адыгских племен при наибе Шамиля Магомте Амине (1848-1859 годы) // «Культурная жизнь юга России». – Краснодар, 2008, № 3. – С. 138-140. (0,3 п. л.)

Статьи и материалы Международного конгресса:

2. Аутлев Д.М. Военный флот адыгов (черкесов) с древнейших времен до 60-х гг. XIX века // Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру (симпозиум XII)» – Пятигорск, 2007.- С.12-15.(0,2 п. л.)

3. Аутлев Д.М. Рода войск, в структуре военной организации адыгов и их боевые порядки в XVIII – 60-х гг. XIX в. – Краснодар, 2009 – С. 1-50. (2,5 п. л.)

4. Аутлев Д.М. Сэшко в руки // «Небо Кубани», 2006, № 9 (23) – С. 128 -131. (0,2 п. л.)

5. Аутлев Д.М. Порох, пуля и... молоток // «Небо Кубани», 2007, № 3 (28) – С. 114 - 119. (0,2 п. л.)

6. Аутлев Д.М. Броня для джигита // «Небо Кубани», 2007, № 10 (35) – С. 106 -110. (0,2 п. л.)

7. Аутлев Д.М. Гордость джигита // «Небо Кубани», 2008, № 2 (38) – С. 118 -121. (0,2 п. л.)

8. Аутлев Д.М. Флибустьеры синих гор // «Небо Кубани», 2008, № 11 (47) – С. 152 - 157. (0,2 п. л.)

Аутлев Джамбулат Маличевич

**ВОЕННОЕ ДЕЛО У АДЫГОВ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ
В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ
(XVIII – 60 гг. XIX в.)**

Автореферат

Подписано в печать 16.10.2009 г.

Формат 60х84х1/16. Усл. п.л. 1,80.

Бумага офсетная. Печать ризокопия.

Тираж 100 экз. Заказ № 859.

Тираж изготовлен с оригинал-макета заказчика
в типографии: ООО «ЭдАрт принт», г. Краснодар, ул. Красная, 113

$$10 =$$